

Л. М. Артамонова*

**ЗАПИСКА А. И. ШЕСТАКОВА «НЕЧТО О ПРОСВЕЩЕНИИ
В РОССИИ» – НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ПАМЯТНИК
ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
НАЧАЛА XIX века**

ПОДГОТОВКА ПРЕОБРАЗОВАНИЙ в области народного просвещения, осуществленных в первые годы правления Александра I, привела к появлению ряда докладов и проектов, которые подводили итоги школьной реформы Екатерины II, анализировали их сильные и слабые стороны, предлагали меры по развитию первых и ликвидации вторых. Наряду с предложениями, вышедшими из среды столичных деятелей, необходимо обратить внимание на обобщение и оценку опыта, который был накоплен в школах русской провинции. Такую возможность представляет записка бывшего учителя, а затем директора народных училищ сначала Симбирской, а затем Саратовской губерний Андрея Ивановича Шестакова, редакции которой были обнаружены в Российском государственном историческом архиве и Национальном архиве Республики Татарстан.

Сочинение А. И. Шестакова примечательно уже личностью самого автора, чей жизненный путь совпал с началом создания общеобразовательной школы в русской провинции и восстанавливается по документам конца XVIII – начала XIX в. Шестаков являлся уроженцем Казани и там же в 1772 г. поступил в местную семинарию. В 1783 г. он был переведен в учительскую гимназию в Петербурге, где по его собственному свидетельству, «в течение сего моего учения имел я счастье быть на публичном испытании в присутствии... Екатерины Великой»¹. То, что он здесь говорит правду, подтверждает официальный «послужной список покойного директора Саратовских училищ надворного советника» Шестакова, составленный в 1820 г.²

К предметам, изученным в духовной семинарии, в Петербурге добавлено было, по словам Шестакова, обучение «Российской Грамматике, Риторике, Логике, Арифметике, Алгебре, Геометрии, Плоской и Сферической Тригонометрии, Физике, Механике, Архитектуре, Географии, Истории Гражданской и Естественной, частию Химии, Немецкому языку и рисовать»³. В ряду других самых первых преподавателей провинциальных общеобразовательных школ России Шестаков был определен учителем «математических наук» старших классов Саратовского главного народного училища в 1786 г., когда ему было около 22 лет от роду⁴.

В 1799 г. симбирский губернатор, «имев случай опытностию коротко узнать о способности и достоинстве к высшим наукам Саратовской главной школы учителя титулярного советника Шестакова, который сверх того по отличному сво-

---

* Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Отечества Самарской государственной академии культуры и искусств.

¹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 257. Л. 20.

² Там же. Д. 1054. Л. 14–14 об.

³ Там же. Д. 257. Л. 20.

⁴ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1564. Л. 2об., 25об.–26.

ему поведению заслужил особенное внимание от своего начальства», выразил желание назначить того на должность директора училищ своей губернии. Комиссия одобрила это предложение не только персонально, но и принципиально. Перемещение учителя на директорскую должность, сочла она, «может служить и прочим достальным учителям одобрением в прохождении их должностей»⁵.

В новую должность Шестаков вступил 16 января 1800 г. В обзоре архива Министерства народного просвещения составители отнесли первые случаи определения учителей директорами народных училищ к 1801 г. (6 мая – в Тверской и 15 мая – в Вятской губерниях)⁶. Как можно убедиться, назначение Шестакова произошло более чем на год раньше упомянутых случаев и именно он стал самым первым в России профессиональным педагогом, занявшим должность директора общеобразовательных школ в масштабах губернии.

В марте 1803 г. был осуществлен его перевод на ту же должность из Симбирской губернии в Саратовскую⁷. Именно здесь он и осуществляет оформление своих взглядов на русскую школу в особой записке.

Удалось обнаружить две редакции его сочинения. Первый вариант, хранящийся сейчас среди дел Главного правления училищ, был представлен 27 апреля 1803 г. под заголовком «Нечто о просвещении в России» попечителю Казанского учебного округа графу Андрею Андреевичу Мантейфелю⁸. Тот передал записку Шестакова в Главное правление, где она хотя и была рассмотрена, но весьма формально. По ее поводу в журнале правления постановлено оставить записку без какого-либо действия, поскольку уже приняты решения по осуществлению новой образовательной реформы, которые и следует исполнять.

Не получив никакого известия о судьбе своей записки, переданной Мантейфелю, Шестаков 26 октября пишет новому попечителю округа Степану Яковлевичу Румовскому и просит разрешения, если тому предшественник не передал с прочими делами его записку, представить ее вторично. Румовский выразил согласие ознакомиться с мнением саратовского директора. Так появился второй вариант записки Шестакова, который и сейчас находится в архиве в Казани⁹. Этот вариант отличается от первого рядом добавлений к тексту, которые автор посчитал нужным сделать, чтобы усилить аргументацию своей позиции.

Хотя Шестаков не настаивал на своем участии в перестройке народного образования и представлял свои намерения более чем скромными, от этого его записка не становится менее интересным источником для современного исследователя, особенно если того занимают проблемы школьного дела в провинции. Шестаков настойчиво пытался донести до других свой взгляд на эти проблемы, как он писал, «почерпнутый мною из опытов национального характера, надобностей служб и суждений людей благонамеренных», оговаривая что, делает «это не для того, чтоб правительство... сделало из того какое-либо употребление»¹⁰. На самом деле он последовательно выразил взгляды тех, кто по сути возражал против заданной из Петербурга в 1802–1803 гг. либеральной линии подготовки и проведения образовательной реформы. Подобные мнения имели распространение как в провинциальной, так и в столичной среде, а значит потенциально тоже могли рассчитывать на воплощение со временем в практику.

⁵ РГИА. Д. 1248. Л. 8.

⁶ Описание дел архива Министерства народного просвещения. С. 63.

⁷ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 26. Л. 1а.

⁸ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109.

⁹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 26. Л. 21–36об.

¹⁰ Там же. Л. 3об.

Автор записки требует «сильного и деятельнейшего... внимания особенно на дворянство: ибо знание изящных наук, для выгод государственных, нужно сему классу людей паче, нежели прочим состояниям; и кажется, чтоб достигнуть всеобщего просвещения России надобно начать со всеобщего просвещения дворянства, которое при всех усилиях своих и поныне к тому не имеет достаточных способов». Без специальных мер общеобразовательные школы для дворянства «не больше будут полезны как прежняя Казанская гимназия, бывшая в ведении Московского Университета, и потом уничтоженная, или как главные по всем губерниям народные училища; — и в них тоже положено учить изящным наукам; — перемена названия вещи не переменит»¹¹.

Первым средством привлечения дворянства в публичные школы должно стать устройство при них пансионов, но не за счет индивидуальной платы: «Чтоб достигнуть настоящей цели, надобно при учреждении сих заведений положить за неперменное, чтоб обучающееся в них дворянское юношество, без различия чинов или богатства родителей, содержалось на казенном иждивении»¹².

Другим средством должен был стать обязательный, а не добровольно определяемый срок обучения. Иначе просвещение «также не достигнет своего совершенства». Шестаков обращает внимание на то, что «дворянское юношество наше, даже разночинцы, всемерно спешат, чтоб не опоздать в службу; не от излишней к ней ревности, а дабы скорее получать только чины; эта причина, подкрепляемая взаимными примерами даже и самых благоразумных родителей, как бы насильно заставляет при самом почти начале прекращать учение детей своих... мальчик пятнадцати или шестнадцати лет только что может сделать вступление в важные и для служб государственных нужные познания; но у нас стыдно, чтоб в сем возрасте дворянину не быть офицером и не обращаться уже в большом свете». Таким образом, если на обучение дворянства «не положить урочного времени», то учебные заведения «всегда будут наполнены одними малолетними, начинающими только и тотчас прекращающими свое учение»¹³.

Хорошо организованная и привлекательная для дворян публичная школа, по мысли Шестакова, должна составить конкуренцию домашним воспитателям и учителям. Он не возражает, чтобы богатые дворяне давали маленьким детям «в облегчение гимназий» первоначальное образование дома, «но с крайнею осторожностью ничему больше, как языкам, дабы какой-нибудь иностранный бродяга не испортил детского понятия»¹⁴.

Настаивая на раннем, предваряющем основное образование, изучении иностранных языков как дома, так и в школе, Шестаков, видимо, исходил и из своего опыта. Как свидетельствуют документы, во время обучения в Учительской гимназии сам Шестаков «ходил в немецкий класс»¹⁵. Однако позднее он признавался, что никакими иностранными языками не овладел, кроме латинского, который изучил еще в Казанской духовной семинарии¹⁶.

В записке есть предложения, которые выглядят привлекательными для любого учебного заведения безотносительно его сословной направленности. На реальность они накладываются по принципу от противного. То, чего желает видеть Шестаков, в ходе екатерининской школьной реформы не появилось.

¹¹ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109. Л. 2–2об.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 3об.–4об.

¹⁴ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 26. Л. 28.

¹⁵ Там же. Л. 18об.

¹⁶ Там же. Л. 3.

Для привлечения детей в школы, как он считал, надо строить такие здания, которые отличались бы архитектурой и внутренним удобством, достойные обучения юношества России – «славного в свете государства»¹⁷. Места для них должны подбираться специально и быть «для свежести воздуха на открытом месте, для забав, укрепляющих силы телесные, довольно обширные; для избежания развлечений и соблазнов, отделены от жительства, но не слишком в дальном от города расстоянии; и нужно стараться, чтоб при них были сады или рощи»¹⁸.

Шестаков специально оговаривает необходимость улучшения жилищных условий учителей, поскольку «в помещении надобно им доставить всякое спокойствие и одного от другого независимость; в противном случае заведутся непримиримые и стыд делающие ученому месту раздоры, а паче между семейными». Он ссылается на собственный директорский опыт, испытав «на себе всю тягость разбирать беспрестанные споры учителей, мирить их и никогда в том не успевать»¹⁹.

Расходы на образование следует увеличить, предварительно повысив доходы Приказов общественного призрения, на чьем содержании находились школы. Шестаков выражал недовольство хозяйственным управлением училищ со стороны этих Приказов. Отмеченный им «недостаток усердия Приказов вникнуть во все подробности» не исправлялся ни губернаторами, которые и без того слишком «многими делами озабочены»²⁰, ни даже более высоким начальством. Так, в инструкции сенаторам для ревизии Саратовской губернии в 1802 г. говорилось, чтобы «особенное внимание» ревизоры обратили на «Приказ общественного призрения, количество его капиталов, их употребление, состояние всех его заведений, как то, училищ, госпиталей и прочих»²¹. Однако существенных улучшений деятельности Приказа и подведомственных ему учреждений в результате сенатской ревизии так и не произошло.

Особого внимания, по мысли Шестакова, заслуживает подготовка хороших учителей. Также он настаивает на повышении социального статуса учителя: «Учитель, не только учащимися, но и публикою должен быть принимаем как первоначальная причина блага людей; должность его, есть не последняя государственная обязанность; то, дабы возвысить цену наук, и достоинство учащихся, надлежало бы препоручить ее, не только способностями но и родом, людям отличным... Но одни слова не произведут скоро такого самолюбия; тут не надобно щадить ни денег, ни почестей. Как звания сего есть цель важнейшая, и оно само по себе, разумеется во всей силе слова, претрудное; то и выгоды от него должны быть не только равны тем, кои в других службах получают, но и превосходили бы их»²².

Не излагая в подробностях всю записку Шестакова, подчеркнем одно важное обстоятельство. Именно опытный педагог, попович по происхождению, чиновник невысокого ранга настаивает, как ни кажется это странным на первый взгляд, на усилении сословного начала в образовании. Он выступает за привлечение в средние общеобразовательные и высшие учебные заведения преимущественно дворян, за улучшение качества обучения, прежде всего, выходцев из благородного сословия. Шестаков считает необходимым ограничить доступ к среднему и высшему образованию, к чиновной, военной, даже научной карьере

¹⁷ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109. Л. 6.

¹⁸ Там же.

¹⁹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 26. Л. 30об.

²⁰ Там же. Л. 35.

²¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 57910. Л. 3об.

²² РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109. Л. 7об.

разночинцам. Для них он предназначает в основном начальную школу, будучи готовым и специальное образование, например, медицинское переложить на дворян. Повышение общественного значения учительства также ставило главной целью привлечение к педагогической деятельности представителей дворянства²³. Шестаков надеялся опровергнуть господствующее в обществе мнение, «что в учительской должности не можно приобрести никакой степени, приличной дворянину»²⁴.

Ограничение сословным цензом возможности достичь высокого уровня образования не означает полного запрета такой возможности. Хотя, по мнению Шестакова, для недворян «довольно и одних уездных училищ... однако же и в гимназиях и университетах не возбранят учиться всякому, кроме крестьян, но только своекоштно, и не ограничивая урочным временем». Городскую начальную школу он также призывает заключить в узкие сословные рамки и обучать в ней преимущественно сыновей тех офицеров и гражданских чиновников, кто не выслужил себе прав потомственного дворянина. Шестаков утверждает, что «самое человеколюбивое, и для государства было бы преползное дело, ежели бы Приказы общественного призрения взяли на себя воспитывать при уездных училищах, в губернских городах, или смотря по способности, и в уездных, подьяческих и офицерских детей, не имеющих права на дворянство; где бы они, обучаясь также урочные годы, приобретали больше всего искусство в чистом и правильном письме, и что касается до приказного порядка». Подобное назначение уездных училищ «доставляло бы для всех присутственных мест хороших приказных, а излишние поступали бы в военную службу»²⁵.

Для большинства населения оставались, по Шестакову, элементарные приходские школы без профессиональных учителей, вместо которых занятия бы вели священники и церковнослужители: «Благочестивая мысль об учреждении приходских училищ зависит только от усовершенствования духовных». Вместе с тем сам Шестаков признавал, что «семинарии есть везде и давно уже; однако же (ученым – Л. А.) духовенством похвалиться еще не можем»²⁶. В таких условиях распространение приходских училищ означало бы возвращение к традиционным способам обучения «мастеров грамоты» и отказ от преимуществ школы нового времени.

Все эти мысли звучали в самую либеральную эпоху начала александровского царствования. Они заставляют задуматься об источниках будущего усиления консервативных настроений у самого царя и в его окружении, в том числе по вопросам образования. Встает вопрос, не является ли односторонним распространенное мнение о том, что охранительные идеи насаждались в первой половине XIX века исключительно сверху.

Во всяком случае, к своим выводам Шестаков, конечно, пришел не под влиянием, а вопреки тогдашней правительственной политике в области просвещения. В его записке преломились и были осмыслены настроения значительной части провинциального общества, в том числе его непривилегированных слоев. Как уточнял сам Шестаков, «предлагаемые мысли почерпал я из свойства нашего дворянства и прочих состояний, утверждаясь на опытах, чрез семнадцать лет мною дознанных, которое время имел я счастье быть главного народного училища учителем и, наконец, директором»²⁷.

²³ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109. Л. 7об.–8.

²⁴ Описание дел архива Министерства народного просвещения. С. 158.

²⁵ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109. Л. 12об.

²⁶ Там же. Л. 13об.

²⁷ Там же. Л. 4об.

Не думается, что Шестаков кривил душой и был движим корыстью при составлении своей записки. Правда, в письме графу А. А. Мантейфелю Шестаков представляет свою записку в обоснование просьбы оставить его в должности директора народных училищ²⁸. Однако этой цели он скорее бы достиг выражением полного согласия с официальной позицией правительства по школьному делу, носившей в начале правления Александра I либеральный характер, а не предложениями по ее изменению.

Не движет Шестаковым и корпоративная солидарность. Саратовский директор специально подчеркивает, что он «не дворянин, нельзя подозревать тут в пристрастии» его к благородному сословию, а руководствуется он «единым чистым желанием блага своему Отечеству»²⁹.

Несомненно, Шестаков исходил из интересов «успешнейшего в России просвещения»³⁰ в широком смысле этого слова, но в собственном понимании. Долгий опыт учительской службы настраивал саратовского директора на критический лад по отношению к существующим народным училищам. Пока необразованным остается значительная часть дворянства – господствующего сословия, пока социальные роли учащихся и учащихся кажутся непривлекательными, пока сама общеобразовательная школа не вызывает симпатии лиц благородного происхождения, до тех пор в России идеи просвещения не смогут в полной мере расширять влияние и приводиться в действие. Его также разочаровало отсутствие пользы и необходимости проводить через полный курс обучения солдатских детей, дворовых людей, представителей прочих низших социальных групп, составлявших подавляющее большинство учеников и не имевших, за редким исключением, перспективы приложить полученные знания на ответственных государственных службах или развить эти знания в учебных заведениях более высокого уровня.

В рассуждения Шестакова вкрались ошибки, поскольку он исходил из распространенного представления о преимущественно утилитарной ценности образования и предположения о незыблемости строя русской жизни, сложившегося к рубежу XVIII–XIX вв. Педагогическая утопия консервативного плана, созданная представителем зарождающейся разночинной интеллигенции, была определенной реакцией на неудачи при осуществлении образовательной реформы Екатерины II. Неудачи эти, в свою очередь, говорили о том, что русская самодержица также строила утопию, но весьма либеральную, полагая возможным создать одну из самых современных и модернизированных систем образования в мире, игнорируя крепостной и абсолютистский характер России того времени.

Вместо высокой, хотя малореальной мечты с помощью просвещения изменить к лучшему все общество, предлагалась вполне в духе «века просвещения», который именуют также «веком разума», рациональная с виду мысль изменить школу в подражание существующему обществу, не допускавшая вероятности каких-либо социальных преобразований. Несомненно, в обозначенном споре права оказалась Екатерина, которая при некотором идеализме все же вывела со своими сподвижниками российское просвещение на магистральную дорогу будущих, пусть и отдаленных успехов. Однако уже на начальном этапе введения массового школьного образования не все русское общество приняло стратегические цели «просвещенного абсолютизма».

²⁸ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109. Л. 3об.

²⁹ Там же. Л. 36.

³⁰ Там же. Л. 4об.

Странная коллизия русской мысли и реальности. С одной стороны, среди аристократов зрели идеи вольнодумцев и радикальные действия будущих декабристов. С другой стороны, от провинциальных разночинцев зазвучали призывы не торопить перемены, к которым страна не была готова, а в области образования свернуть на путь школьного строительства по сословному признаку.

Историческая перспектива показала, что речь шла о двух принципиальных подходах к развитию общеобразовательной школы, реально сложившихся в русской общественной мысли и реализованных в разное время верховной властью. В эпоху законодательных актов и правительственных мероприятий нового императора Александра I в 1803–1804 гг., продолжавшего и развивавшего либеральную линию образовательной политики своей бабки, мысли А. И. Шестакова за четверть века вперед предвосхитили идеи школьного Устава 1828 года, определившего укрепление сословного фактора в просвещении, что станет характерным для царствования Николая I. Обе возможности развития были изначально заложены в учебных заведениях и видах обучения, сосуществовавших в России на рубеже XVIII–XIX вв. Преобладающее воплощение каждой из них в дальнейшем обуславливалось общим ходом социально-политического развития страны и эффективностью самого школьного дела, а также зависело от отношения властей и различных групп российского общества, включая провинциальное, к народному просвещению, его целям, методам, результатам.

Рядовые деятели просвещения в силу своего общественного положения не имели возможности реально влиять на разработку правительственной политики в области образования. Если их идеи оказывались воплощенными в практику, то это свидетельствовало только об адекватном отражении и осознании в провинциальной интеллектуальной среде взглядов, широко распространенных во всем русском обществе и в правящей элите страны. Наверное, именно в этом заключено основное значение идей, заложенных А. И. Шестаковым, в его записке.